

ПРЕВЕНТИВНАЯ И УПРЕЖДАЮЩАЯ САМООБОРОНА: РАЗЛИЧИЯ. ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ

Юлия Синицына

В доктрине международного права широко дискутируются новые формы института самообороны: превентивная и упреждающая самооборона. Цель настоящей статьи — раскрыть содержание, провести анализ обоих терминов, а также доказать несоответствие действующему международному праву концепций превентивной и упреждающей самообороны, выдвигаемых представителями англосаксонской школы международного права. О практическом значении данной статьи свидетельствует закрепление в стратегических концепциях США и НАТО права наносить удары упреждающего и превентивного характера по всему миру по собственному усмотрению. Настоящая статья имеет также образовательное значение, цель которого исследование и единообразное применение понятийного аппарата института самообороны, поскольку существующие различия в терминологии создают основу для смешивания понятий и, как следствие, возможных злоупотреблений правом на самооборону.

Статья основывается на теоретических положениях и выводах российских и зарубежных авторов, а также на результатах анализа различных международных актов и международной практики (включая судебную практику). В статье использовались труды советских и российских ученых: Э. С. Кривчиковой [9], Э. И. Скакунова [18], Б. Р. Тузмухамедова [20], О. Н. Хлестова, Д. О. Медведевой [23] и др. Статья также учитывает работы таких зарубежных исследователей, как Д. Боуэрт [26], Я. Броунли [28], А. Кассезе [32], И. Динштейн [33], Х. Кельзен [35], Р. Мюллерсон [38] и др. Из последних исследований необходимо выделить кандидатскую диссертацию А. С. Орбеляна [13].

Для более глубокого анализа предполагается комплексное рассмотрение данной проблематики, с учетом различных аспектов: лингвистического, историко-правового, доктринального, юридического, военно-политического.

Лингвистический аспект. На наш взгляд, исследование следует начать с выяснения значения и определения терминов «упреждающий» и «превентивный». С точки зрения русского языка, данные термины синонимичны. Упреждающий — опережающий; предупреждающий; в значении — опережающий прежде, наперед других [10, с. 1394; 14, с. 1869; 21]. Превентивный (фр. *preventif*, от лат. *praeventio* — опережаю, предупреждаю) — предупредительный, предохранительный, опережающий

действия противной стороны [10, с. 956; 14, с. 1415; 15]. Более того, в Большом толковом словаре русского языка под редакцией Д. И. Ушакова дается определение термина «превентивная война» — война имеющая целью предупредить нападение готовящегося к войне противника [21]. Как видно из вышеизложенного, с точки зрения русского языка нельзя разграничить эти два термина. В английском языке термин «упреждающая» переводится как «*preemptive*», а «превентивная» — «*preventive*» и обозначает разное: упреждение трактуется как ликвидация непосредственной или близкой угрозы, а превенция рассматривается как ликвидация угрозы, которая только формируется [6, п. 189].

Иногда для обозначения либо упреждающей самообороны, либо, значительно реже, для обоих вышеперечисленных видов применения силы используется термин «*anticipatory self-defense*» [7, с. 30; 38, р. 214–215], что создает некоторую путаницу в разграничении этих двух понятий и приводит к расширенному толкованию применения силы.

Историко-правовой аспект. К XIX в. в международном праве и практике государств сложилось понятие «самопомощь», которое давало право государству применять вооруженную силу при любом нарушении прав государства, даже не связанных с применением силы. Самооборона была составной частью концепции войн [23, с. 63]. Наиболее известным случаем фактической защиты является дело «Каролины» (1837 г.), которое позволило вывести ряд правил и принципов при осуществлении государством фактической защиты [20; 30]. В XX в. стали формироваться нормы международного права, ограничившие, а потом и запретившие войну [2; 5]. Завершился процесс отказа от войн принятием Устава ООН, запретившего прибегать к применению или угрозе силой. Однако Устав закрепил два исключения на применение силы, призванные служить ответом на агрессию: использование силы в качестве самообороны (ст. 51 Устава ООН: «...в ответ на вооруженное нападение») и по решению Совета Безопасности ООН [22]. С принятием статьи 51 Устава ООН относительно самообороны сформировалась практика государств использования вооруженной силы в ответ на вооруженное нападение, по сути идентичная положениям статьи 51 Устава ООН. А поскольку обычное право формирует продолжительная практика государств, следовательно, можно говорить о подмене прежнего (до Устава ООН) пони-

вопросы теории

международное право

Автор:

Синицына Юлия Владимировна — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Купрейчик Сергей Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Валюшко Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин Частного института управления и предпринимательства

мания права на самооборону новым, по сути идентичным сформулированному в статье 51 Устава ООН. Более того, согласно статье 103 Устава ООН, при противоречии обязательств государств по Уставу ООН с их обязательствами по другим международным соглашениям преимущественную силу имеют обязательства по Уставу ООН [22, с. 31]. Таким образом, утверждение последователей англо-саксонской школы права о параллельном действии наряду с Уставом ООН, нормы обычного права о применении вооруженной силы, как она понималась до принятия Устава, несостоятельно с юридической точки зрения. В 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН было принято определение понятия «агрессия», из которого следует, что право на самооборону возникает также в случае совершения акта агрессии (прямой или косвенной), направленной против суверенитета, территориальной целостности и политической независимости государства (ст. 1) [11]. Резолюциями Совета Безопасности ООН 1368 (2001) и 1373 (2001) крупномасштабные теракты были приравнены к вооруженному нападению по смыслу статьи 51 Устава ООН [16; 17].

По нашему мнению, в вышеназванных документах содержится исчерпывающий перечень оснований для самообороны, позволяющий защитить интересы государства в полной мере, даже с учетом современных угроз, и не требующий дальнейшего расширения, тем более в сторону упреждения и превенции.

Доктринальный аспект. В настоящее время можно выделить три основных подхода относительно оснований и толкования самообороны.

1. «Узкое» толкование самообороны. Основанием для самообороны является исключительно вооруженное нападение. Сторонниками этого подхода являются известные юристы-международники как зарубежные: Я. Броунли, А. Кассезе, А. Рандельцхофер, Г. Кельзен и др., так и большинство российских ученых: Д. О. Медведева, Л. А. Скотников, В. С. Котляр и др. По их мнению, Устав ООН, запретив применение силы в международных отношениях, разрешил государствам одностороннее применение вооруженной силы только с целью самообороны против совершившегося вооруженного нападения. К такому выводу можно прийти через толкование Устава ООН и исходя из принципа эффективности международных договоров. Эта позиция также поддерживается и Международным судом ООН (дело «Никарагуа против США», 1986 г.), который указал, что «в случае права на индивидуальную самооборону использование этого права может иметь место только, если соответствующее государство стало жертвой вооруженного нападения» [31].

В качестве аргументов правомерности самообороны только вследствие вооруженного нападения приводятся следующие доводы:

а) опровергается ссылка сторонников широкого толкования на неотъемлемое (*inherent*) право на самооборону как подтверждение приоритета обычного права аргументом, что в данном контексте «неотъемлемое» означает право не только членов ООН, но и остальных государств. Кроме этого, делается акцент на то, что отцы-основатели

ООН такой формулировкой статьи 51 скорее хотели ограничить возможные злоупотребления, в противном случае прямо внесли бы в Устав вызывающую противоречия формулировку об упреждающей самообороне [35, р. 791–792; 42, р. 792]. Контроль же Совета Безопасности ООН, предусмотренный Уставом ООН, без сомнения распространялся бы и на применение силы при упреждающей самообороне [33, р. 174–175]. Кроме этого, обычное право тоже «не стоит на месте», поэтому к принятию Устава ООН по обычному праву допускалось использование силовых мер только в ответ на вооруженное нападение [27, р. 274–275; 29, р. 361–364], что является практически идентичным формулировке статьи 51 Устава ООН, а следовательно, Устав структурировал уже сложившееся понимание этой нормы обычного права;

б) расширенное толкование права на самооборону противоречит самому духу и букве Устава ООН, целью которого является максимальное ограничение применения силы. Ряд ученых (Я. Броунли, А. Кассезе, А. Рандельцхофер) придерживаются мнения, что в этом случае признание параллельного существования обычного права на самооборону свело бы на нет принцип неприменения силы (ст. 4 Устава ООН) и деятельность Совета Безопасности ООН по поддержанию международного мира и безопасности [27, р. 274–275; 32, р. 310; 42, р. 803–804];

в) весомым аргументом против расширения толкования права на самооборону является то, что к упреждающей самообороне невозможно применить принципы пропорциональности и соразмерности [28, р. 24–25; 32, р. 310; 42, р. 803]: поскольку неизвестно, какими именно были бы предполагаемое вооруженное нападение и его последствия, следовательно, невозможно выбрать и адекватные меры;

г) кроме этого, И. Динштейном высказывается мнение, что современный уровень вооружений свидетельствует не в пользу упреждающей самообороны, делая необходимым «узкое» толкование права на самооборону во избежание возможных злоупотреблений [33, р. 175–176]. Следует также напомнить о негативном отношении большинства государств к концепции упреждающей самообороны и осуждению применения силы, согласно этой концепции [24, р. 163–165; 42, р. 803].

Исследователи указанного подхода делают вывод, что упреждающая самооборона (*preemptive self-defence*) и превентивная самооборона (*preventive self-defence*) не соответствуют положениям Устава ООН о применении силы. Соответственно, когда государство полагает, что оно может стать объектом вооруженного нападения, все, что оно правомочно сделать в соответствии с действующим международным правом — это провести мобилизацию или другие внутренние «приготовления», а также обратиться в Совет Безопасности, который уполномочен Уставом ООН предпринять действия в случае угрозы миру, нарушения мира и акта агрессии.

2. Расширенное толкование права на самооборону. Основанием для самообороны признается также неминуемая угроза вооруженного нападения. Представители данной концепции вы-

ступают за правомерность упреждающей самообороны, признавая, при этом, концепцию превентивной самообороны противоправной. Сторонниками более широкого толкования являются такие западные ученые, как Б. Астрат, Д. Боуэтт, Т. МакКормак, С. Швобель, М. Шоу и др., а также известные российские авторы: М. Л. Мышляева, Э. И. Скакунов, О. Н. Хлестов.

В обоснование расширенного толкования самообороны ими приводятся следующие доводы:

а) в подтверждение правомерности упреждающего применения силы Д. Боуэтт, Т. МакКормак, С. Швобель, приводят аргумент, что параллельно Уставу ООН продолжает существовать обычное право на самооборону, разрешающее применение силы в случае неминуемой угрозы нападения [26, р. 188–189; 37, р. 139; 40, р. 347]. Большинство приверженцев этой точки зрения ссылаются на дело «Каролины» (1837 г.), в результате которого были выработаны критерии самообороны: «неотложная и непреодолимая необходимость, не оставляющая ни возможности выбора средств, ни времени на размышление... А предпринимаемые меры не должны быть "неразумными и чрезмерными"» [30]. Критерии необходимости и пропорциональности были подтверждены Международным судом ООН по делу «Никарагуа против США» 1986 г. [31, р. 14]. Также утверждается, что сама статья 51 Устава ООН содержит указание на то, что Устав ни в коей мере не затрагивает *неотъемлемого (inherent)* права на самооборону;

б) Д. Боуэтт указывает на неправомерность признания за членами ООН только прав, предоставленных Уставом ООН, так как суверенные государства обладают всеми правами, установленными международным правом, следовательно, «узкое» толкование права на самооборону, ограничивающее права государств, неприемлемо [26, р. 188–189];

в) правомерность упреждающей самообороны следует из самой формулировки пункта 4 статьи 2 Устава ООН, которая запрещает не только применение силы, но и ее угрозу. Следовательно, упреждающая самооборона правомерна и против угрозы силой для предотвращения ее воплощения в реальность [25, р. 222–225]. В качестве аргумента приводится консультативное решение Международного суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения (1996 г.), в котором Суд определил, что «понятие "угроза" силой и ее "применение", согласно пункту 4 статьи 2 Устава, неразрывны в том смысле, что если применение силы в каком-либо данном случае само по себе является незаконным — по какой бы то ни было причине, — то и угроза применения такой силы будет также незаконной» [35]. Отмечается «неповоротливость» Совета Безопасности ООН в деле по поддержанию международного мира и безопасности. Поэтому непризнание права на упреждающую самооборону означало бы необходимость смириться с надвигающимся причинением ущерба и разрушений. Особенно это актуально в случаях с оружием массового уничтожения [25, р. 220–224; 26, р. 190–192; 37, р. 143; 41, р. 1025–1029];

г) правомерность упреждающей самообороны подтверждается практикой государств в период после принятия Устава ООН (военные действия

Израиля против арабских государств в 1967 г.; оккупация Китаем части Вьетнама в 1979 г. и некоторые другие [25, р. 225–228; 37, р. 149; 41, р. 1029]. Однако во всех указанных случаях государства всегда ссылались на наличие вооруженного нападения и никогда не ссылались на право на самооборону в случае неминуемой угрозы.

В противовес вышеприведенным аргументам следует обратить внимание, что, как свидетельствуют материалы Нюрнбергского трибунала, союзные государства отрицательно отнеслись к аргументации превентивных войн. Сопоставление этого факта с подготовительными материалами Сан-Францисской конференции дает основание утверждать, что с принятием Устава ООН институт самообороны сузился. Более того, Международный суд ООН в деле «Никарагуа против США» подтвердил «узкое» понимание права на самооборону в ответ на вооруженное нападение. Соответственно концепция упреждающей самообороны не соответствует действующему международному праву.

3. Основанием для самообороны также являются отдаленные, только формирующиеся угрозы — концепция превентивной самообороны. Приверженцами данной концепции являются Р. А. Мюллерсон и другие представители англо-саксонской школы права, а также российские авторы: С. Д. Гольцов, Ю. Н. Малеев [3, с. 45–58].

Последователи этой концепции также обосновывают ее ссылкой на неотъемлемое право, содержащееся в Уставе ООН, но в отличие от сторонников концепции упреждающей самообороны основное значение придают не фактору времени, а, например, вероятности совершения нападения когда-то в будущем, наличию других, не содержащих применения силы средств для разрешения ситуации, величине вреда, который может нанести нападение. Следовательно, делается вывод, что при высокой вероятности нападения в будущем, с возможностью нанесения большого вреда и при отсутствии других средств разрешения ситуации государство имеет право прибегать к превентивной самообороне.

Кроме этого, следует выделить группу ученых, придерживающихся «узкой» концепции, но согласных с предоставлением в некоторых исключительных случаях права на опережающие действия. Так, Л. Хенкин предусматривает исключение для случаев, связанных с применением ядерного оружия [34, р. 235]; Ю. С. Горбунов является сторонником упреждающей самообороны в отношении террористических организаций на территории иностранного государства, когда государство пребывания таких лиц не может или не желает пресечь их деятельность [4, с. 103]; А. С. Орбелян, И. Динштейн [12, с. 94–106; 33, р. 179–180] придерживаются концепции «перехватывающей» самообороны (*interceptive self-defence*), основанной на попытках решить проблему через толкование момента начала атаки.

Юридический аспект. В Уставе ООН указывается, что превентивные и (или) принудительные меры могут применяться в ответ на любую угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии (ст.ст. 39, 50), но только на основании решения Совета Безопасности ООН. Устав ООН не содержит понятия

«упреждение». Государства, осуществляющие упреждающие и (или) превентивные меры, чаще всего ссылаются, на статью 51 — «право на самооборону». Однако вышеназванная статья не включает в себя превентивные меры, а само право на самооборону ограничено жесткими рамками: 1) меры самообороны возможны только в ответ на вооруженное нападение; 2) предпринятые государством меры должны быть немедленно сообщены в Совет Безопасности ООН и не затрагивать его полномочий; 3) такие меры могут осуществляться до принятия Советом Безопасности ООН мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности.

Вместе с тем, Доклад Группы высокого уровня [6], признавая ограниченный характер права на самооборону, утверждает, что государство в соответствии с давно установившейся нормой международного права может предпринимать военные действия, если угроза нападения является непосредственной, никакие другие средства не позволяют устранить ее, а действия соразмерны угрозе (п. 188). В последующем К. Аннан в своем интервью подтвердил вышеназванное мнение [1] и, более того, предложил Совету Безопасности ООН принять резолюцию, закрепляющую такое толкование (п. 126 Доклада).

По нашему мнению, такие попытки легитимизации упреждающих ударов не правомерны, поскольку, как уже отмечалось выше, к ним невозможно применить принципы пропорциональности и соразмерности. Не правомерны также ссылки государств при оправдании своих упреждающих действий на региональные соглашения или нормы обычного права, поскольку, исходя из положений Устава ООН, а именно статьи 53, никакие принудительные действия не могут быть предприняты какой-либо региональной организацией без соответствующей санкции Совета Безопасности ООН. Кроме этого в статье 103 подчеркивается преимущественная сила Устава ООН по отношению к иным обязательствам членов ООН по любым иным международным соглашениям. В свете сегодняшней ситуации следует не пытаться узаконить упреждающие и, тем более, превентивные удары, а направить силы на выработку четкого определения термина «вооруженное нападение» и установить момент, с которого вооруженное нападение будет считаться начатым.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что, согласно Уставу ООН, государствам разрешено применять самооборонительные меры только в ответ на вооруженное нападение (к которому были приравнены крупномасштабные теракты) [16; 17]. Упреждающие и превентивные меры являются исключительной компетенцией Совета Безопасности ООН.

Таким образом, государство, являющееся объектом непосредственной угрозы, в соответствии с установившейся нормой международного права может предпринять упреждающие вооруженные действия только с санкции Совета Безопасности ООН в случае, если никакие другие средства не позволяют устранить данную угрозу, при этом меры должны быть соразмерны ей. Придание упреждающей самообороне легитимности, тем более без сан-

кции Совета Безопасности ООН, в силу существования тонкой грани между упреждающими и превентивными действиями и зависимости от убедительности представленных государством доказательств расширит возможности применения силы государством. Поэтому 60-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН не поддержала предложение Группы высокого уровня и К. Аннана, сформулированное в его докладе, дополнить международное право нормой о возможности упреждающего удара в обход Совета Безопасности ООН [8]. Вместо этого в Итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 г. было подтверждено, что «соответствующих положений Устава достаточно для противодействия всему спектру угроз международному миру и безопасности», а также право Совета Безопасности ООН санкционировать принудительные действия для поддержания и восстановления международного мира и безопасности. Кроме этого, нельзя говорить ни о «давно устоявшейся норме международного права» ни о «мнении большинства юристов» относительно правомерности упреждающей самообороны, поскольку, как доказывалось выше, с принятием Устава ООН такой устоявшейся нормы не существует, а под мнением большинства понимается лишь мнение части юристов англо-саксонской школы права, в то время как в действительности большинство юристов не являются сторонниками упреждающей и превентивной самообороны.

Если же государство располагает вескими доказательствами существования отдаленной угрозы, то оно в соответствии с Уставом ООН не имеет право самостоятельно предпринимать какие-либо превентивные вооруженные действия, поскольку в современном мире слишком много возможных угроз, которые могут никогда не перерасти в реальную угрозу. Если пойти путем превентивных действий, то появится реальная возможность прикрыть превентивной самообороной надуманную (отдаленную) угрозу вторжения с целью захвата влияния над природными ресурсами, территорией. Более того, в пункте 192 Доклада Группы высокого уровня подчеркивается, что Группа не поддерживает ни переработку статьи 51, ни придание ей нового толкования. Следовательно, существует единственный законный алгоритм действий в ответ на отдаленную угрозу: 1) предоставление Совету Безопасности ООН веских аргументов в пользу существования такой отдаленной угрозы; 2) Совет Безопасности ООН рассматривает такое заявление и на основании имеющихся доказательств выносит решение о применении или неприменении санкций. При этом такие санкции могут быть как военного, так и невоенного характера; 3) в случае отказа от применения санкций у государства есть возможность собрать новые доказательства, при этом использовать другие способы воздействия на предполагаемого агрессора, и только в том случае, если это не помогло и угроза становится более явной, вернуться к варианту военных мер, но только при наличии соответствующей санкции Совета Безопасности ООН. Ответом для тех, кто может сослаться на «неповоротливость» и бездействие Совета Безопасности ООН, является необходимость реформирования

последнего, а не легализация превентивных военных мер на отдаленные угрозы. Совет Безопасности ООН уполномочен Уставом ООН (гл. VII) предпринимать необходимые превентивные действия, однако редко прибегал к этому. В свете сегодняшней ситуации Совет Безопасности ООН должен быть готов действовать на опережение, а государства, опасаящиеся отдаленных угроз, обязаны доводить имеющиеся сведения до Совета Безопасности, а в последующем строго следовать его предписаниям. В противном случае мы можем вернуться к концепции войн.

Военно-политический аспект. На официальном уровне концепция превентивной самообороны закреплена в Стратегии национальной безопасности США 2002 и 2006 гг., предполагающей односторонние действия в качестве превентивной самообороны против потенциальной опасности [см.: 39]. В Стратегии национальной безопасности 2002 г. закрепляется принцип превентивного удара в отношении террористов и поддерживающих их стран, а также провозглашается возможность односторонних военных действий США по всему миру. В обновленной Стратегии США в области национальной безопасности 2006 г., сохранены все основные элементы предыдущей доктрины превентивных войн 2002 г. Но, в отличие от доктрины 2002 г., на этот раз основной целью США объявлено «распространение свободы во всем мире» и сохранение «лидирующей роли США». Другие страны, например Франция, Германия, также допускают применение превентивных мер, однако здесь речь идет больше о превентивных коллективных мерах [13, с. 20].

Очевидно, что подобные военные доктрины ведут к подрыву международно-правовой договорной основы системы международной безопасности и стабильности. Однако следует обратить внимание на то, что, несмотря на наличие в различных документах концепции превентивной самообороны, ни одна страна еще не обосновывала ею свои действия. К тому же для обозначения вооруженных ударов в отсутствие вооруженного нападения или даже непосредственной угрозы юридически более правильным термином вместо самообороны является «превентивная война», противоправность и опасность которой была признана на Нюрнбергском процессе [13, с. 20]. Стратегия национальной безопасности США 2006 г. подверглась резкой критике мирового сообщества. Так, в Итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 г. относительно политики США указывается, что «хотя у демократий есть общие черты, не существует никакой одной модели демократии, что она не является собственностью какой-то страны или какого-

то региона, и вновь подтверждаем необходимость должного уважения суверенитета и права на самоопределение» [8].

В заключение следует еще раз обратить внимание, что современное международное право признает единственным правомерным основанием самообороны свершившееся вооруженное нападение. Все остальные ситуации, в частности угрозы нападения, дают лишь основание отдельным государствам для обращения к невоенным средствам и повышения собственной обороноспособности, а также могут являться основанием для применения коллективных мер по решению Совета Безопасности.

Правовая природа превентивных и упреждающих ударов различна. Следовательно, концепция превентивной обороны идет дальше концепции упреждающих ударов и предполагает использование вооруженных сил против только формирующихся угроз. Принятие такой концепции в качестве нового основополагающего принципа имело бы для существующего порядка пагубные последствия, а право на самооборону, как оно понимается в Уставе ООН, вообще перестало бы существовать [19, с. 9]. Поэтому необходимы выработка определения вооруженного нападения и установление четких критериев самообороны. На наш взгляд, наиболее подходящим является вариант, разработанный Э. С. Кривчиковой в Проекте кодекса основных прав и обязанностей государств (ст. 5. «Самооборона»): «при наличии одной лишь угрозы вооруженного нападения, а также со ссылками на угрозу жизни граждан за рубежом, защиту заложников... право на самооборону не подлежит применению» [9, с. 181].

На основании вышесказанного можно сделать следующий вывод относительно правомерности упреждающих и превентивных вооруженных мер: 1) использование вооруженной силы государством или группой государств возможно только в ответ на вооруженное нападение; 2) упреждающие и превентивные вооруженные меры также могут иметь место, но, согласно Уставу ООН, только после соответствующей санкции Совета Безопасности.

Представляется, что одним из путей решения разногласий по поводу толкования оснований для самообороны является *восполнение существующих пробелов и исправление неточностей формулировок*, а именно: 1) необходимо уточнить, что представляет собой вооруженное нападение по смыслу статьи 51 Устава ООН, когда оно начинается: только с момента непосредственных вооруженных ударов или уже на стадии подготовки к вооруженному нападению; 2) приравнивание терактов к вооруженному нападению требует выработки четких критериев теракта, в ответ на который возможно применение самообороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннан, К. В основе безопасного мира – демократизация, развитие и права человека / К. Аннан [Электронный ресурс] // Независим. газ. 2005. 14 марта. Режим доступа: <http://www.ng.ru/courier/2005-03-14/9_democracy.html>. Дата доступа 14.11.2008.
2. Версальский мирный договор [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Республики Карелия. Режим доступа: <<http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=025001&id=341&cType=1>>. Дата доступа: 24.12.2008.
3. Гольцов, С. Д. Применение вооруженной силы государствами как мера *ad hoc* от внешней угрозы / С. Д. Гольцов, Ю. Н. Малеев // Москов. журн. междунар. права. 2004. № 3. С. 45–58.
4. Горбунов, Ю. С. Упреждающие меры в свете современного международного права / Ю. С. Горбунов // Журн. рос. права. 2008. № 3. С. 94–105.
5. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 г. // Международное публичное право: сб. док.: в 2 т. Т. 2 / сост.: К. А. Бекяшев, А. Г. Ходаков. М.: БЕК, 1996. С. 1–2.

6. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам: док. ООН А/59/565 + Corr. 1 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <<http://www.un.org/russian/secureworld/report.htm>>. Дата доступа: 20.03.2008.
7. Загайнов, Е. Т. Упреждающая самооборона в западной доктрине международного права / Е. Т. Загайнов // Москов. журн. междунар. права. 2006. № 2. С. 29–45.
8. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года: док. ООН А/RES/60/1 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <<http://www.un.org/russian/summit2005/outcome.pdf>>. Дата доступа: 20.03.2008.
9. Кодекс основных прав и обязанностей государств (проект) // Москов. журн. междунар. права. 1996. № 4. С. 179–186.
10. Новейший большой толковый словарь русского языка. М.: Рипол-норинт, 2008.
11. Определение агрессии: док. ООН А/RES/3314 (XXIX) // Международное публичное право: сб. док.: в 2 т. Т. 2 / сост.: К. А. Бекяшев, А. Г. Ходаков. М.: БЕК, 1996. С. 3–5.
12. Орбелян, А. С. Вопросы применения силы в решениях Международного суда ООН / А. С. Орбелян // Москов. журн. междунар. права. 2008. № 2. С. 94–107.
13. Орбелян, А. С. Право государств на применение вооруженной силы в условиях современных международных отношений: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.10 / А. С. Орбелян; Москов. гос. ин-т междунар. отношений. М., 2008.
14. Первый толковый большой энциклопедический словарь. М.: Рипол-норинт, 2006.
15. Превентивный // Большой толковый словарь современного русского языка / под общ. ред. Д. Н. Ушакова. М.: Альта-Принт; Дом XXI век, 2008. С. 766.
16. Резолюция 1368 (2001): док. ООН S/RES/1368(2001) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <<http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1368.htm>>. Дата доступа: 15.12.2008.
17. Резолюция 1373 (2001): док. ООН S/RES/1373(2001) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <<http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1373.htm>>. Дата доступа: 15.12.2008.
18. Скакунов, Э. И. Самооборона в международном праве / Э. И. Скакунов. М.: Междунар. отношения, 1973.
19. Скотников, Л. А. Право на самооборону и новые императивы безопасности / Л. А. Скотников // Междунар. жизнь. 2004. № 9. С. 3–15.
20. Тузмухамедов, Б. Р. Упреждение силой: «Каролина» и современность / Б. Р. Тузмухамедов [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2006. № 2. Режим доступа: <<http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5550.html>>. Дата доступа: 14.11.2008.
21. Упреждающий // Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. Д. Н. Ушакова. М.: Аст-Астрель, 2008. С. 781.
22. Устав Организации Объединенных наций // Действующее международное право: в 3 т. Т. 1 / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М.: Изд-во Моск. независим. ин-та междунар. права, 1996. С. 7–33.
23. Хлестов, О. Н. Вооруженные конфликты и право на самооборону / О. Н. Хлестов, Д. О. Медведева // Москов. журн. междунар. права. 2005. № 2. С. 62–76.
24. Alexandrov, S. A. Self-defence against the use of force in international law / S. A. Alexandrov. The Hague: Kluwer Law International, 1996.
25. Astrat, B. Prohibition of force under the UN Charter: a study of Art. 2 (4) / B. Astrat. Stockholm: Justus Forlag, 1991.
26. Bowett, D. W. Self-defence in international law / D.W. Bowett. Manchester: Manchester University Press, 1958.
27. Brownlie, I. International law and the use of force by states / I. Brownlie. Oxford: Clarendon Press, 1963.
28. Brownlie, I. The principle of non-use of force in contemporary international law / I. Brownlie // The non-use of force in international law / ed. by E. Butler. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989.
29. Bryde, B.O. Self-defence / B. O. Bryde // Encyclopedia of public international law / under the direction of R. Bernhardt. V. IV. Amsterdam: Elsevier, 2000.
30. Caroline Case [Correspondence between Great Britain and the United States of America. The Destruction of the Steamboat Caroline] Correspondence of March–April 1841 – July–August 1842 // Landmark cases in Public International Law / ed. by E. Heinze & M. Fitzmaurice. London: Kluwer Law International, 1998. P. 1245–1265.
31. Case concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (1986) [Electronic resource] // International court of Justice. Mode of access: <<http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6485.pdf>>. Date of access: 24.10.2008.
32. Cassese, A. International Law / A. Cassese. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2001.
33. Dinstein, Y. War, aggression and self-defence / Y. Dinstein. Cambridge: Grotius Publications, 1994.
34. Henkin, L. How nations behave: Law and Foreign Policy / L. Henkin. New York: F. A. Praeger, 1968.
35. Kelsen, H. The law of the United Nations: a critical analysis of its fundamental problems / H. Kelsen. London: Stevens&Sons, 1950.
36. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion (1996) [Electronic resource] // International court of Justice. 1996. Mode of access: <<http://www.icj-cij.org/docket/files/95/7495.pdf>>. Date of access: 14.10.2008.
37. McCormack, T. L. Self-defence in international law: The Israel raid on the Iraqi nuclear reactor / T. L. McCormack. Jerusalem: The Magness Press, 1996.
38. Mullerson, R. The law of use of force at the turn of the Millenia / R. Mullerson // Baltic Yearbook of International law. V. 3. Boston 2003. P. 191–228.
39. National Security Council Security [Electronic resource] // The White House. Mode of access: <<http://www.whitehouse.gov/nsc>>. Date of access: 14.03.2008.
40. Schwebell, S. Dissenting opinion, Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (*Nicaragua v. United States of America*, 1986.) – para. 172 / S. Schwebell // International court of Justice [Electronic resource]. Mode of access: <<http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6523.pdf>>. Date of access: 24.10.2008.
41. Shaw, M. N. International law / M. N. Shaw. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
42. The Charter of the United Nations: a commentary / A. Randelzhofer [and oth.]. V. I. 2nd ed. Munich, 2003.

«Превентивная и упреждающая самооборона: различия. Правомерность применения» (Юлия Сеницына)

Статья посвящена рассмотрению вопроса правомерности упреждающего и превентивного применения вооруженной силы. На основе различных аспектов проводится анализ, позволивший раскрыть содержание терминов, выявить основные проблемы в понимании превентивной и упреждающей самообороны и предложить практические рекомендации.

Лингвистический аспект. В сложившейся международной практике вышеуказанные термины имеют разное значение: упреждение трактуется как ликвидация непосредственной или близкой угрозы, а превенция рассматривается как ликвидация угрозы, не являющейся непосредственной или близкой, т. е. угрозы, которая только формируется.

Историко-правовой аспект. До принятия Устава ООН существовало право государств на войну. Однако в XX в. стали формироваться нормы международного права, ограничившие, а потом и запретившие войну. Завершился процесс отказа от войны принятием Устава ООН, запретившего прибегать к применению или угрозе силой.

Доктринальный аспект. Выделяют три основных подхода относительно оснований и толкования самообороны: 1) «узкое» толкование самообороны. Основанием для самообороны является исключительно вооруженное нападение; 2) расширенное толкование права на самооборону. Основанием для самообороны признается также неминуемая угроза вооруженного нападения; 3) концепция превентивной самообороны: основанием для самообороны также являются отдаленные, только формирующиеся угрозы.

Юридический аспект. На основании анализа Устава ООН и других документов делается вывод о возможности применения силы государством в качестве самообороны только в ответ на вооруженное нападение, в то время как упреждающие и превентивные меры являются исключительной компетенцией Совета Безопасности ООН.

Военно-политический аспект. Проводится анализ Стратегий национальной безопасности США 2002 и 2006 гг.

Таким образом, одним из путей решения разногласий по поводу толкования оснований для самообороны является восполнение существующих пробелов и исправление неточностей формулировок.

«Preventive and Preemptive Self-defense: Differences. Legitimacy of Use» (Yuliya Sinitsyna)

The present article considers the legality of pre-emptive and preventive use of armed force. On the basis of various aspects an analysis is carried out, which enabled to reveal the contents of terms to identify the main problems in the understanding of preventive and pre-emptive self-defense and to make practical recommendations.

Linguistic aspect. *In the prevailing international practice, the above-mentioned terms meanings are different: pre-emption is interpreted as the elimination of direct or close threat and prevention is seen as the elimination of the threat, which has just formed.*

Historical aspect. *Prior to the adoption of the UN Charter all states had the right to war. However, the XX century began to form norms of international law, at first, to limit the right of war, but then to prohibit war. The process of renunciation of war was completed by the UN Charter adoption, which prohibits the use or threat of force.*

Doctrinal point. *There are three main approaches to the grounds and the interpretation of self-defense: 1) the narrow interpretation of self-defense. The basis for self-defense is an armed attack; 2) the expanded interpretation of the right to self-defense. The basis for self-defense is recognized to be an imminent threat of armed attack; 3) the basis for self-defense is also a remote threat – the concept of preventive self-defense.*

Legal aspect. *On the basis of analysis of the UN Charter and other documents, the conclusion was made on the possibility of the use of force by a State only in response to an armed attack, while the pre-emptive and preventive measures are within the exclusive competence of the UN Security Council.*

Military-political aspects. *This part analyses «The National Security Strategy of the United States» for 2002 and 2006.*

Thus, one of the ways of resolving problems in interpretation of the grounds for self-defense is to fill gaps and to correct inaccuracies of formulations.